

Н.Ю. СИЛАЕВ*

УПРАВЛЯТЬ НЕУПРАВЛЯЕМЫМ: ЧТО ТАКОЕ НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА?

Аннотация. Статья посвящена анализу феномена «национальной политики» в России в 2010-х годах, как инструмента, при помощи которого бюрократия компенсирует провалы регулярного административного контроля в тех или иных социальных и географических пространствах. Благодаря этому инструменту советская система институционализированной этничности сохраняет свою актуальность спустя более чем два десятилетия после распада СССР. «Национальная политика» исследуется на примере Ставропольского края с использованием авторского полевого материала.

Ключевые слова: национальная политика; этничность; Россия; Ставропольский край.

N. Yu. Silaev

Governing the unmanageable: What is «the national policy»?

Abstract. The article is focused on the phenomenon of «ethnic and cultural policy» («nacional'naja politika») in Russia in 2010 s. The «ethnic and cultural policy» is viewed as an instrument by which the state bureaucracy compensates the failures of regular administrative control in some social and geographical areas. Due to «ethnic and cultural policy» the legacy of Soviet institutionalized ethnicity is still actual for Russia. The phenomenon is studied on the case of Stavropolsky krai using author's field material.

Keywords: ethnic and cultural policy; ethnicity; Russia; Stavropolsky krai.

---

* **Силаев Николай Юрьевич**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра проблем Кавказа и региональной безопасности МГИМО МИД России, e-mail: nikolai.silaev@gmail.com

Silaev Nikolai, Moscow State Institute of International Relations, MFA Russia (Moscow, Russia).

С начала текущего десятилетия Россия переживает своеобразный ренессанс «национальной политики», т.е. всплеск политических дискуссий по поводу культурного разнообразия страны, а также увеличение числа связанных с этими дискуссиями бюрократических инициатив. Одна из программных статей Владимира Путина, опубликованных в ходе его предвыборной кампании 2012 г., носила название «Россия: национальный вопрос» [Путин, 2012]. Была принята новая Стратегия государственной национальной политики и федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России» со сметой почти в 8,5 млрд рублей. Наконец, в марте 2015 г. было учреждено Федеральное агентство по делам национальностей. Это был первый за почти пятнадцать лет случай, когда в структуре федеральных органов власти возник специализированный орган по выработке и проведению «национальной политики».

Ренессанс «национальной политики» несет в себе парадокс, требующий истолкования. На уровне доктринальном «национальный вопрос» предстает как всеобъемлющая сущность, лежащая в самых основах государственного бытия. Программная статья Путина исполнена широких обобщений и высоких абстракций, она отсылает сразу ко всему российскому историческому опыту. По контрасту с доктринами практика «национальной политики» удивительно бедна. Практическим ответом на глубочайшие вопросы существования России, поставленные ее тысячелетней историей, в программном тексте фаворита президентской гонки оказалась серия локальных мер вроде введения экзамена по русскому языку для мигрантов и ужесточение контроля над сдачей квартир в аренду. «Национальная политика» – доктринально материя настолько важная, что ради нее следует создать отдельный федеральный орган исполнительной власти – на практике состоит из организации всевозможных форумов и конференций, на которых произносятся речи о ценности культурного разнообразия и дружбе народов, а также из скромной поддержки языков и культур народов Российской Федерации.

Однако происходящее явно не носит характера поверхностной бюрократической кампании: в игру (особенно на уровне регионов) активно включаются фигуры, обладающие административным и финансовым ресурсом, которые довольно охотно тратят личное время на схоластические обсуждения «цивилизационного

культурного кода» и произнесение заклинаний о желаемом «межнациональном согласии». Формулируя парадокс «национальной политики» иначе: как объяснить, что люди, от которых можно ожидать рационального поведения, в этом случае действуют не слишком рационально? Или: в чем неочевидная рациональность «национальной политики» в сегодняшней России?

А.Т. Бикбов заметил, что советская социологическая традиция была склонна к отождествлению исследовательского вопроса с административной или политической задачей [Бикбов, 2014, с. 328]. Этой черты не избегают и современные академические дискуссии по поводу культурного разнообразия в России. О «многосоставности» российского общества как факторе его нестабильности и необходимости «научно обоснованной политики адекватного воздействия на конфликтные ситуации» пишут В.А. Авксентьев, Г.Д. Гриценко и А.В. Дмитриев [Авксентьев, Гриценко, Дмитриев, 2011, с. 551]. По словам Л.М. Дробижевой, новые «этнические вызовы» заставляют ученых и политиков дискутировать об оптимальном государственном устройстве [Дробижева, 2003, с. 20]. Э.А. Паин предваряет развернутый текст о национальной политике указанием на дефицит либеральных подходов к этой проблеме и необходимости выработать таковые [Паин, 2004, с. 6]. Культурное разнообразие и фрагментация, имеющиеся в России или приписываемые ей, нередко расцениваются как очевидная объективная данность, сродни климату или физико-географическим характеристикам: проблематизируется управление этим разнообразием, но оно само.

Это тем более удивительно, что конструктивистское понимание российского культурного разнообразия к нынешнему времени опирается на солидную исследовательскую традицию. Обширную критику примордиалистских и группистских построений в этнологических и антропологических исследованиях дал В.А. Тишков [Тишков, 2003, 2016]. Исследован большой эмпирический материал по советскому нациестроительству, и имеется широкое академическое согласие по поводу того, что «социалистические нации» в СССР были предметом целенаправленного социального конструирования со стороны интеллектуалов и властей [Абашин, 2007; Карпов, 2012; Мартин, 2011; Шнирельман, 2006; Suny, 1993]. В качестве социально сконструированного яв-

ления описан этнический традиционализм советской и постсоветской эпох [Штырков, 2012].

Россия унаследовала советскую систему институционализированной этничности, что особенно ярко проявилось в политической полемике по поводу федеративного устройства страны в начале 1990-х. Федеральные власти не выражали явного желания продлевать жизнь этой системе, хотя и с большой осторожностью подходили к демонтажу ее элементов. Ренессанс «национальной политики» показывает, что взгляд на этничность как на наиболее важную и политически значимую идентификацию в ряду других идентификаций сохраняет свою инерцию через два десятилетия после распада СССР. Вероятно, в этом играют свою роль дискурсивные механизмы, воспроизводимые в академических, учебных, публицистических текстах. Но мы сосредоточимся на механизмах институциональных, попытавшись ответить на вопрос, зачем государственной бюрократии нужна «национальная политика».

Удачным примером для анализа здесь может служить Ставропольский край. Именно этот регион на пике политического интереса к проблеме культурного разнообразия обильно поставлял связанные с темой новости, поддерживавшие пламя дискуссий¹. В Ставропольском крае, граничащем с пятью из шести республик Северо-Кавказского федерального округа, за последние четверть века пережившем крупнейшие экономические и демографические трансформации, «национальная политика» наиболее актуальна. Наконец, по краю имеется достаточный для анализа корпус исследований и авторский полевой материал².

Мы построим рассуждение на пересечении трех областей. Первая – повседневные интерпретации границ и различий, если угодно – гипотетический предмет «национальной политики», каким он видится «на земле». Здесь данные предоставляет фокус-

---

¹ Так, в феврале 2013 г. в программе «Специальный корреспондент» телеканала «Россия-1» был показан фильм Евгения Попова «Проект Кавказ», полностью посвященный Ставропольскому краю [Попов, 2013].

² Полевой материал был собран в исследование «Этнос и политика на Северном Кавказе», которое было проведено на средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 17.01.2014 № 11-рп и на основании конкурса, проведенного Фондом ИСЭПИ.

группа, которая была проведена в Буденновске в марте 2015 г.¹ Фокус-группа дала материал для описания того, как выстраиваются культурные границы в видении жителей восточной части края, каковы маркеры различий и интерпретации расколов. Вторая – характеристика восточных районов Ставропольского края, которые рассматриваются как основной источник тревожности, связанной с «национальной политикой». Третья – реконструкция того неопределенного и дискуссионного явления, которое в официальных документах принято называть «национальной политикой». О чем говорят люди, когда они говорят о «межнациональных отношениях»? В каких практических действиях обнаруживает себя и свой предмет национальная политика?

Мечеть, хиджаб, лезгинка

Уже на первом этапе обсуждения на фокус-группе в Буденновске – когда участникам предлагалось назвать проблемы города, с которыми сталкиваются они или их близкие, – возникла тема, которую исследователь мог бы обозначить как «этническую». В Буденновске среди проблем, хотя и не на первом месте, был назван отток коренного населения и приток замещающих его переселенцев из Дагестана с их «показной» культурой. Как выяснилось в ходе дальнейшего обсуждения, насчитывается всего несколько черт культуры приезжих, которые расцениваются как демонстративные и вызывающие, причем ни одна из них не имеет собственно этнической привязки. Это хиджаб, формы поведения, которые расцениваются как отклоняющиеся (в частности, многократно упоминавшееся в медиа исполнение лезгинки на улице под громкую музыку), а также замкнутость и агрессия, которые приписывают приезжим. Еще одним маркером различий стала мечеть. Участники фокус-группы из числа старожилов Буденновска были полностью солидарны в том, что строительство мечети в городе недопустимо. Мечеть, по их мнению, будет символизировать, что земля кругом принадлежит не коренным жителям, а приезжим-

---

¹ Организатором и модератором фокус-группы выступила Виктория Галяпина, автор присутствовал в качестве наблюдателя. Фокус-группа состоялась 7 марта 2015 г.

мусульманам, приезжие станут считать себя ее полноправными хозяевами, их будет еще больше, а старожилы будут окончательно вытеснены.

Все это можно было бы назвать набором этнических (или конфессиональных?) фобий, если бы параллельно не выстраивалась иная риторика, объясняющая отличия приезжих от старожилов, переносящая отличия приезжих за пределы «этнического». Участники фокус-группы продемонстрировали способность к деконструкции фобий не хуже, чем могли бы сделать это социологи. Так, они подвергли сомнению глубину различий между старожилами и приезжими. Конечно, женщины-мусульманки носят хиджаб, но за этой демонстративностью скрываются обычные и понятные общечеловеческие слабости; приезжие представляют собой совсем не тот твердый в вере монолит, которым они могут показаться на первый взгляд, – таков был пафос некоторых высказываний на фокус-группе. Другая риторическая стратегия состоит в том, чтобы изменить характер границы между старожилами и приезжими, лишив ее этнического или конфессионального характера. Этническая граница обращается, например, в социальную. На самом деле, Дагестан совсем другой, а выходцы из этой республики, оказавшиеся на востоке Ставрополя и, в частности, в Буденновске, просто принадлежат к дагестанским низам, – несколько историй, рассказанных на фокус-группе были призваны проиллюстрировать эту мысль. В дело может идти и своеобразная фолк-этнография, представления о разностатусных этнических или социальных группах, которые, по мнению участников фокус-группы, присутствуют в Дагестане. Есть престижные роды или группы, есть непрестижные; представители последних не могут рассчитывать на успех дома и приезжают в Ставропольский край. Этот аргумент не снимает саму границу между старожилами и приезжими, но символически переносит ее в Дагестан: наблюдаемые различия между людьми возникли не в Буденновске, приезжие как бы принесли эту границу с собой из тех мест, откуда они родом. Еще один риторический пласт связан с описанием свойств миграции вообще, когда опыт приезжих из Дагестана сравнивался с опытом старожилов Буденновска или Ставропольского края, переехавших в крупные города: на новом месте мигранты стараются держаться вместе.

Сумма этих суждений указывает не столько на набор фобий, сколько на гибкий и широкий репертуар различных по смыслу историй, описаний и объяснений, которые могут применяться в зависимости от обстоятельств и которые на лету творят категории и границы. Это можно было бы сравнить с той особой гибкостью устных историй, позволяющих сконструировать широкий спектр политических аргументов и концепций, которую отмечает Джеймс Скотт как важный ресурс бесписьменных обществ. Скотт подчеркивает, что письменная история тоже оставляет пространство для политически удобных трактовок, – собственно, такому ее качеству посвящено немало исследований по проблематике наций и национализма – но в устной истории препятствий для создания таких трактовок гораздо меньше за отсутствием канонических текстов, которые не всегда поддаются удобной интерпретации [Scott, 2009, p. 233–234].

Заметно, что эти устные истории преодолевают любые попытки внешней классификации. Поставим вопрос иначе: можно ли вообще описать картину, представленную фокус-группой в Буденновске, в этнических категориях? Говоря о границе между старожилами и приезжими, участники обсуждения не прибегали к этническим категориям. Слова «аварцы», «даргинцы», «табасаранцы» возникли лишь в той части разговора, где речь шла о положении дел в Дагестане. Говоря о Буденновске, в эти, собственно «этнические», детали никто не вдается. Есть относительно новая категория «дагестанцы», но можно ли считать ее этнонимом с точки зрения принятой в России терминологической традиции? Существование границы между старожилами и приезжими очевидно для всех участников фокус-группы. Но эта граница размечена, прежде всего, поведенческими отличиями, выраженными в том числе в религиозных маркерах (хиджаб, мечеть). Но и описывать эту границу как конфессиональную трудно. Участники фокус-группы не отличают свою, старожильческую, группу по вероисповеданию. «Другую» группу, приезжих, маркирует не ислам сам по себе, а лишь такие проявления принадлежности к нему, которые расцениваются как демонстративные и вызывающие.

Сами границы очень нечеткие, их определения нестрогие, возможности категоризации широки и разнообразны. Характерно, что слово «межнациональный» во время обсуждения не прозвучало ни разу, а слово «межэтнический» – один раз из уст модератора.

При определенном желании можно описать происходящее в логике «межнациональных отношений», но для этого требуется, как минимум, достроить еще одну ступень интерпретаций. Например, через публичное, подтвержденное статистикой, сравнение этнического состава населения Буденновска двадцать лет назад и в настоящее время. Или через публичные заявления об «экспансии ислама». Или через организованную демонстрацию культурного разнообразия, скажем, выступления фольклорных ансамблей на день города. Но сама по себе среда «повседневных мнений» не обеспечивает подобной трактовки. Напротив, она содержит в себе потенциал самых различных интерпретаций, среди которых «этническая» далеко не на первом месте. «Этнос» оказывается политической или академической абстракцией, и, по крайней мере, участники фокус-группы в Буденновске, описывая мир, в котором они живут, легко обходятся без нее.

«Долгое время» восточных районов

Из пяти коренных жителей восточных районов Ставропольского края, у которых удалось взять интервью, двое говорили об истории заселения этой территории на примере истории их собственных семей. Специальных вопросов об этом не задавалось. Так что обращение к этой теме свидетельствует о ее большой значимости для респондентов. История трудностей, которые преодолевали их предки, осваивая малопригодные для сельского хозяйства и для жизни районы, приводилась как одно из объяснений сегодняшнего оттока жителей с востока Ставропольского края. В свое время восточные районы заселялись семьями раскулаченных из более благополучных мест.

Большую часть Восточного Ставрополя составляют засушливые земли, плохо пригодные для земледелия. Здесь сильные годовые перепады температур – до -35°C зимой и до 50°C летом. Советская власть, считавшая необходимым удерживать население в этом регионе, но ослабившая свой репрессивный характер после смерти Сталина и XX съезда, поддерживала широкие программы по освоению этих земель. Они включали в себя мелиорацию и газификацию. Люди получали доплаты за работу в безводной местности. Закупочные цены на зерно были установлены на более вы-

соком уровне, чем в менее засушливых частях края. Развитое животноводство обеспечивало высокую занятость. Наконец, восток Ставрополья – традиционная территория овцеводства. Именно потребность в производстве шерсти, а не только простая инерция планового хозяйства, заставляла советскую власть осваивать эти районы и удерживать там жителей. До массового внедрения синтетических материалов шерсть имела стратегическое значение, в том числе и для изготовления солдатских шинелей. В Ставропольском крае существовал кластер, в котором соединялись овцеводческие, в том числе племенные, хозяйства, предприятия по заготовке шерсти, передовые шерстомойные заводы.

После распада Советского Союза ставропольское овцеводство получило несколько ударов, плохо совместимых с существованием. Во-первых, были разрушены старые производственные цепочки, открытые границы ухудшили его положение относительно импорта. Во-вторых, и мир, и Россия стали переходить на синтетические материалы. В-третьих, восточные районы края, как и северная часть Дагестана, сильно пострадали от войн в Чечне. Обвал государственных институтов в этой республике подтолкнул увеличение скотокрадства. Овец из колхозов и из частных кошар увозили на грузовиках неизвестные вооруженные люди. В таких условиях поддерживать отрасль в прежних объемах стало невозможно. В течение 1990–2000-х годов поголовье овец в Ставропольском крае сократилось почти в пять раз: с 6,2 млн голов до 1,3 [Нефедова, 2013, с. 35].

С распадом Советского Союза рухнула и система поддержки сельскохозяйственного производства и занятости в восточных районах Ставрополья. Вместе с овцеводством резко сократилось мясное и молочное животноводство с 1059 до 374 тыс. голов за 1990–2009 гг. [там же, с. 35]. Это вызвало кризис занятости в сельском хозяйстве. В восточных районах начала расти площадь пашни, зерновое производство не требовало прежнего числа рабочих рук и не предполагало долгосрочных инвестиций. Эта тенденция характерна для всех регионов СКФО, где практически исчезли прежние многоотраслевые колхозные хозяйства, сочетавшие выращивание зерновых с мясным и молочным животноводством. Села восточных районов стали быстро терять коренных жителей, которые переезжали в города, в западные, более благоприятные,

районы края или в другие регионы. На их место прибывали выходцы из соседних республик, прежде всего из Дагестана.

В восточных районах края, по отзывам респондентов, крайне запутаны земельные права. Государству не известно, в чьих руках находятся земли, в каком они состоянии, кто фактически их использует и каким образом. По устным договоренностям земля может неоднократно сменить фактического владельца, причем государственные органы не ставятся об этом в известность. Муниципалитеты также часто остаются в неведении по поводу сделок с землей. Большая часть поголовья скота в частных руках не учитывается в государственной статистике и не облагается налогами и иными платежами. В большой мере это относится и к растениеводческим хозяйствам. Муниципальные бюджеты в восточных районах в огромной степени дотационны.

В 2011 г. были опубликованы результаты исследования, проведенного рабочей группой Ставропольского краевого общественного фонда «Юг-Содействие» в нескольких восточных районах края. В состав группы входили Ю.Г. Ефимов, В.С. Баев, Н.Г. Яхимович, а также представители администрации губернатора. В отчете много внимания было уделено притоку переселенцев из Дагестана и отношениям между различными этническими общинами. В то же время были отмечены и собственно экономические причины многолетнего упадка восточных районов: снижение рентабельности сельскохозяйственных предприятий, нехватка перерабатывающих производств, неустойчивость сбыта, особенно для личных подсобных хозяйств, дорогой кредит, неурегулированность земельных отношений, рейдерство, низкий уровень собираемости налогов, неразвитость транспортной и иной инфраструктуры [Социально-экономическое положение... 2011, с. 88].

Хозяйственная деятельность в восточных районах в минимальной степени связана с государственными институтами и, по сути, не регулируется ими. Права собственности на землю регулируются условно. Большая доля экономической деятельности находится в тени и не облагается налогами. Компании не предъявляют (или предъявляют в минимальной степени) спрос на инфраструктуру, например, оросительные системы, которая может поддерживаться лишь усилиями государства. Возникло непрозрачное для государства пространство, трудно поддающееся контролю и управлению.

В пространстве неформального

Д.В. Соколов в своей работе о Восточном Ставрополье отмечает, что этнические самоидентификации становятся востребованными в условиях провала государства, его неспособности обеспечить определенный институциональный порядок [Соколов, Стародубровская, 2013, с. 128]. Этот тезис нуждается в уточнении. Вопрос состоит в том, каким именно образом, через какой именно механизм провал государства оборачивается расцветом этнического? Гипотеза в том, что этот механизм – национальная политика. Она оказывается тем инструментом, при помощи которого государственная бюрократия стремится компенсировать институциональные провалы государственного управления и тем самым делает востребованной этничность как категорию политической практики.

Проследим, в каких именно действиях проявляет себя политически организованная этничность в интервью ставропольских респондентов. Высокопоставленный представитель краевых властей рассказал о своей поездке в село Иргаклы Степновского района, где он провел переговоры с представителями ногайской национально-культурной организации по поводу режима использования пахотной земли. Партнером властей по переговорам, касающимся развития территории и предполагающим достижение договоренностей об управлении имеющимися у сообщества ресурсами, оказались не муниципальные власти села или района, и не предприниматели, работающие в селе. Таким партнером оказалась этническая организация ногайцев. С одной стороны, такой выбор указывает на силу и влияние этнической организации на территории: вероятно, ее лидеры, в глазах представителя края, могут принять и эффективно осуществить решения, которые изменят хозяйственные практики. Предпринимательское сообщество и местные власти либо не обладают влиянием, либо не рассматриваются как легитимные партнеры. С другой – переговоры конституируют определенную социальную реальность, в которой этнос ногайцев наделен политической субъектностью, а представляющая этот этнос организация, по сути, оказывается «приводным ремнем» государственного управления.

Приведем другие примеры такого партнерства. Среди наших респондентов из числа представителей краевых и муниципальных властей почти все указывали на то, что представителей этнических

организаций (национально-культурных автономий, «диаспор» – по не вполне верной, но распространенной в крае терминологии) привлекают для улаживания конфликтов, которые могут быть истолкованы как межнациональные. При этом важны не только примирение сторон или содействие в расследовании инцидентов, важна та дискурсивная власть, которой обладают «представители этноса» и которая позволяет им маркировать конфликт как «межнациональный» или «бытовой».

Это видение предполагает существование некоего этнического представительства при исполнительной власти края. С 2005 г. при губернаторе действует совет по межэтническим отношениям. В его состав входят представители властей края, федеральных ведомств, в том числе правоохранительных, руководители национально-культурных организаций, представители республик Северного Кавказа в Ставропольском крае, духовенство. В Ставрополе в 2014 г. был открыт Дом дружбы – помещение, в котором городские власти предоставили офисы сразу дюжине национально-культурных организаций. Наконец, высшая форма этнического представительства – и посредничества между исполнительной властью и соответствующими этническими группами – главы республик Северного Кавказа.

Выходцы из республик в Ставропольском крае имеют в определенном смысле экстерриториальный статус: в критических ситуациях власти края взаимодействуют с ними через главу республики или его представителя. Среда кавказской молодежи оказывается непрозрачной и неуправляемой для краевых властей или университетских руководителей, она требует влиятельного посредника, обладающего инструментами влияния на нее. В этом смысле (как и в селе Иргаклы) выбор посредника, представителя, политически конституирует ту общность, которую он представляет. Национальная политика, как и в советское время, оказывается машиной для производства идентичностей. И административная практика укрепляет этнос в качестве базовой единицы социального мира, политической сущности.

Статус посредника играет роль не только в его отношениях с властями. Признанный лидер этнической группы имеет больше возможностей для привлечения сторонников / клиентов в соответствии с этническими категориями. Этот статус имеет не только символический, но и организационный вес. Условному студенту,

приехавшему в Ставрополь из условной республики, оказывается проще обратиться за покровительством к признанному властями представителю его собственной этнической группы. Этот его выбор будет расцениваться как «естественный» и, скорее всего, окажется наиболее экономным с точки зрения издержек, которые неизбежны, чтобы освоиться на новом месте. Это еще один механизм овеществления этнических границ и этнических групп, опирающийся, в конечном счете, на силу государственного аппарата, причем этот механизм работает непосредственно «на земле», переводя этнические границы из области символической политики в сферу непосредственных персональных контактов, где создаются патрон-клиентские сети.

У властей есть выбор, какого именно политика они выберут в качестве представителя того или иного народа. Естественно, для краевых властей этот выбор ограничен: представителей республик в крае назначают главы республик, впрочем, по-видимому, из числа тех, кто способен наладить отношения в ставропольских кабинетах. Больше выбор в случае с национально-культурными организациями: возможна конкуренция нескольких лидеров, каждый из которых претендует на то, что именно он представляет определенный народ. В таком случае власти могут выбирать, с кем именно им вести переговоры, поскольку именно их партнер получит политические и иные преимущества как «сертифицированный» представитель этнической общности. Доступ, пусть даже потенциальный, к первым лицам края открывает лоббистские возможности. Многие представители республик или главы национально-культурных организаций кооптируются из числа предпринимателей, для которых эта «общественная нагрузка» становится средством развития бизнеса. «Этнос» оборачивается патрон-клиентской сетью, наделенной символическим капиталом и административным ресурсом.

Любопытно, что административная логика сильно влияет на саму номенклатуру этнических групп, изменяя ее в соответствии с бюрократическим удобством. Нет отдельных национально-культурных организаций аварцев, даргинцев, иных народов Дагестана, все они объединены в одну организацию, носящую имя республики. В одной вайнахской организации объединены чеченцы и ингуши. Овеществляя этническую группу, делая ее политическим субъектом через этническое представительство при органах вла-

сти, государство тем самым «создает себе народы» и делает их звеном административной системы.

Этническое оказывается сферой непрямого правления, администрирования через посредников, и за счет этого посредничества могут быть компенсированы институциональные провалы государства, его неспособность регулярными способами контролировать отдельные территории, группы или области социальной жизни. Это буквально соответствует радикальной конструктивистской формуле Дж. Скотта: «Этничность и племя по определению начинаются там, где заканчиваются суверенитет и налоги» [Scott, 2009, p. 30].

Уместен вопрос о том, где проходят границы этнического с точки зрения административной практики. Это тождественно вопросу о том, где проходят границы самой национальной политики. Можно предположить, что вне национальной политики находятся те, кто находится в рамках прямого и регулярного контроля государственных институтов. Эта часть населения в глазах бюрократии, если угодно, этнически нейтральна. Как правило, этнически нейтральными оказываются русские, впрочем, также носители любых иных культурных традиций, по тем или иным причинам не вовлеченные в практики национальной политики.

В этом свете становятся яснее рациональные политические основы процесса возрождения казачества, который включает в себя бесконечные, по-видимому, споры о природе казаков, об их отношении к государству и способам их организации. Казачество оказывается наиболее доступным способом «этнизировать», символически и практически перевести в режим непрямого правления коренное русское население Ставропольского края. Превращение потомков советских крестьян, рабочих и служащих в казаков (следует учесть, что в состав современной территории Ставропольского края входит лишь малая часть исторических областей Терского и Кубанского казачьих войск) включает их в область неформального контроля посредством практик национальной политики.

В таком случае приобретают практический смысл кажущиеся со стороны схоластическими дискуссии о том, представляет ли собой казачество отдельный «этнос», или его следует считать сословным или «субэтническим» подразделением русских. Оказавшись в ситуации конфликта, который может быть истолкован как межнациональный, политически выгоднее оказаться еще одним

этническим меньшинством (пусть даже казачьим), чем представителем «гражданского» большинства. Статус меньшинства открывает перспективу коллективной ответственности и коллективной защиты, которые модерируются средствами национальной политики. У гражданского большинства по умолчанию нет иных средств самоорганизации, кроме институтов государства; если эти институты проваливаются, выгоднее оказаться этническим меньшинством. По-видимому, этот механизм и порождает проекты по конструированию новых меньшинств – от многообразных казачьих организаций до неоязычников-«родноверов» – создавая тем самым и новые области для государственной классификации и предметы «национальной политики».

Анализ ставропольской ситуации проливает свет и на ренессанс «национальной политики» на федеральном уровне. Исходным посылом здесь тоже оказывается противоречие между стремлением добиться управляемости и непрозрачностью тех или иных социальных пространств для регулярных бюрократических механизмов. Это противоречие вызывает к политическому бытию фигуру посредника – футбольных болельщиков или спортсменов-борцов из российской сборной, с которыми встречался Владимир Путин после беспорядков на Манежной площади в Москве в декабре 2010 г. Теме культурного разнообразия придается высокое политическое значение, которое, в конечном счете, наделяет посредника, чье персональное воплощение может меняться в зависимости от конъюнктуры и нужд властей, символическим капиталом, необходимым для осуществления его функции. Бюджетные средства, отпускаемые на гармонизацию межнациональных отношений и другие подобные цели, снабжают посредников ресурсами, нужными для поддержания практик «национальной политики», а также позволяют федеральным и региональным властям совершать маневры, связанные с выбором тех или иных посредников. «Национальная политика» позволяет свести нетривиальную политическую задачу – управлять областью или средой, где не действуют или плохо действуют регулярные механизмы административного контроля – к набору привычных и рутинных бюрократических процедур. Другими словами, свести неуправляемое к управляемому, упростить социальный мир, редуцировать его к спектру, видимому «глазами государства».

Список литературы

- Абашин С.Н.* Зарождение и современное состояние среднеазиатских национализмов // Национализм в мировой истории / Под ред. В.А. Тишкова, В.А. Шнирельмана. – М.: Наука, 2007. – С. 351–374.
- Авксентьев В.А., Гриценко Г.Д., Дмитриев А.В.* Юг России в современной российской политике: Взгляд конфликтолога // Россия реформирующаяся: Ежегодник-2011 / Отв. ред. М.К. Горшков. – М.; СПб.: Институт социологии РАН, Нестор-История, 2011. – Вып. 10. – С. 552–561.
- Бикбов А.Т.* Грамматика порядка: Историческая социология понятий, которые меняют нашу реальность. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014. – 432 с.
- Дробизьева Л.М.* Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. – М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2003. – 376 с.
- Карпов Ю.Ю.* Национальный ресурс в политике государства: Диалоги центра и автономий Северного Кавказа в 1920–1930-е годы // Общество как объект и субъект власти. Очерки политической антропологии Кавказа / Под ред. Ю.Ю. Карпова, Е.Ю. Капустиной. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2012. – С. 299–375.
- Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1929. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН): Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. – 663 с.
- Нефедова Т.Г.* Ставропольский край: Земельные и хозяйственные проблемы как предтеча этнического напряжения в сельской местности // Фронтир. Двадцать лет без колхозов. – М.: Центр социально-экономических исследований РАМСОМ, 2013. – С. 31–40.
- Паин Э.А.* Между империей и нацией. Модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. – М.: Новое издательство, 2004. – 248 с.
- Попов Е.* Проект Кавказ // Специальный корреспондент. – 2013. – 5 февраля. – Режим доступа: http://russia.tv/video/show/brand_id/3957/episode_id/239757/video_id/239757/ (Дата посещения: 30.07.2016.)
- Путин В.В.* Россия: Национальный вопрос // Независимая газета. – 2012. – 23 января. – Режим доступа: http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html (Дата посещения: 30.07.2017.)
- Соколов Д.В., Стародубровская И.В.* Истоки конфликтов на Северном Кавказе. – М.: Издательский дом «Дело», 2013. – 280 с.
- Социально-экономическое положение в Арзгирском и Туркменском районах Ставропольского края и прогноз производственной деятельности территорий (аналитический материал) // Стабилизация ситуации на Северном Кавказе: Создание институциональных механизмов профилактики конфликтов: Сборник материалов конференций, слушаний, аналитические записки / Н.В. Аленина, К.А. Геворгян, С.А. Курченкова (ред.). – М.: Фонд «Новая Евразия», 2011. – С. 80–88.

- Тишков В.А.* Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. – М.: Наука, 2003. – 544 с.
- Тишков В.А.* От этноса к этничности и после // Этнографическое обозрение. – 2016. – № 5. – С. 5–22.
- Шницерльман В.А.* Быть аланами: Интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. – М.: Новое литературное обозрение, 2006. – 696 с.
- Штырков С.А.* Прогрессивные народные традиции: Обретение и изобретение (случай Северо-Осетинской АССР в 1960-е годы) // Общество как объект и субъект власти. Очерки политической антропологии Кавказа / Под ред. Ю.Ю. Карпова, Е.Ю. Капустиной. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2012. – С. 209–246.
- Scott J.C.* The art of not being governed. An anarchist history of upland Southeast Asia. – New Haven; L.: Yale univ. press, 2009. – 464 p.
- Suny R.G.* Looking toward Ararat: Armenia in modern history. – Bloomington: Indiana univ. press, 1993. – 304 p.